

VII. Эссе

Борис Хазанов

Эрнст Юнгер, или Прелесть правизны*

1

«(...) А все же свидание удалось! Водружена вежа. Вольфрам Дуфнер постучался в дверь, я думал, что нам пора уезжать, но было еще совсем темно. Он крикнул: "Комета!" Я выскочил с полевым биноклем – Галлей стоял в небе, как семьдесят шесть лет тому назад, когда я видел его в Ребурге, вместе с моими родителями, сестрой и братьями»¹.

Весной 1986 года писатель Эрнст Юнгер отправился в Малайзию, чтобы второй раз увидеть комету Галлея, которая движется по вытянутому эллипсу, пересекая околосолнечное пространство каждые 76 лет. В следующем, 1987 году вышли путевые записки Юнгера под названием *Дважды Галлей*.

Юнгер живет в местечке Вильфлинген, в Южном Вюртемберге, в доме бывшего лесничества, среди книг, экзотических сувениров – хозяин объездил весь мир – и одной из крупнейших в мире коллекции жуков. Он признанный в научном мире энтомолог, его именем названо несколько описанных им видов жесткокрылых (а также бабочек, моллюсков и простейших). Он сидит с папироской в саду, каждый день совершает пешие прогулки, каждое утро садится за письменный стол. Это человек небольшого роста, стройный, почти молодой, седой как лунь. Автор романов, рассказов, дневников, афоризмов, эссеист и философ, бывший капитан вермахта, классик немецкого языка и живая история Германии, Юнгеру сто один год [эссе было написано в 1996 году, за два года до смерти Эрнста Юнгера – прим. ред.].

2

Этот человек застал в живых Ницше, Ибсена, Чехова, Золя, Марка Твена. Ему шел шестнадцатый год, когда умер Толстой. Он был современником Джойса,

---

* Статья была ранее опубликована в *Вопросах литературы* (Ноябрь–Декабрь 1996 г.).

¹ Здесь и далее все цитаты даются в переводе автора статьи.

Пруста, Музиля, Кафки, Томаса Манна. Он был также современником Ленина. Некто Гитлер приходился ему почти ровесником.

Ветхие старцы, древние старухи – дети в сравнении с ним. Он старше множества знаменитостей, давно сошедших со сцены, он пережил две мировые войны, несколько революций, нацизм, коммунизм, видел властителей, о которых помнят только историки, и государства, от которых остались обломки. При нем был изобретен самолет, построен танк, расщеплен атом, при нем появились автомобили, телефон, электрическое освещение, радио, он жил во времена, когда дамы носили турнюры и кринолины, мужчины – высокие воротнички и нафабранные усы. Четыре эпохи немецкой истории: монархия, Веймарская республика. Третья империя, Федеративная республика – часть его биографии и в той или иной мере часть его творчества.

Он выпустил около полусотни книг, о нем существует труднообозримая литература на многих языках и почти ничего – на русском. Некоторых античных авторов мы знаем лишь по цитатам, дошедшим до нас. Примерно так можно читать Юнгера по-русски: несколько закавыченных фраз в нескольких обзорах западной литературы. Короткая глава о Юнгере в академической *Истории литературы ФРГ*, принадлежащая Ю. Архипову, написана с нескрываемой ненавистью.

3

Семнадцати лет, в последнем классе реального училища, начитавшись приключенческой и колониальной литературы, Юнгер приобрел у старьевщика за 12 марок старый револьвер и сбежал из родительского дома. Во Франции он завербовался в Иностранный легион и был отправлен в учебную роту в Алжир. Служить в легионе он не собирался, это был лишь способ добраться до Африки. Вместе с приятелем Юнгер покинул казарму, был найден спящим в стоге сена, арестован; тем временем пришла телеграмма из Германии от отца, успевшего принять свои меры: «Французское правительство распорядилось о твоём увольнении». Блудный сын вернулся домой в тусклый городок Ребург близ Ганновера, где отец его, химик, содержал аптеку; а летом следующего, 1914 года началась мировая война.

Первого августа Юнгер записался в армию добровольцем, кое-как сдал школьные экзамены и до декабря проходил срочное обучение в стрелковом полку принца Альбрехта в Ганновере; на другой день после Рождества полк выступил на Западный фронт в Шампань. «Студенты, школяры, подмастерья, мы оставили все, за короткие недели подготовки слились воедино, в одно большое тело, охваченное восторгом. В эпоху, когда никому ничего не грозило, мы тосковали о чем-то необычайном, рискованном, героическом. Пришла война и опьянила нас. Под дождем из цветов выступили мы в путь, хмельные от запаха роз и крови. Война предстала перед нами как нечто великое, мощное и праздничное. Она казалась

нам единственным делом, достойным мужчины, веселой перестрелкой на заросших цветами, забрызганных кровью лугах... Ах, только бы туда, только бы не сидеть дома!» (*В стальных грозах*).

4

Рейх выставил на обоих фронтах 200 дивизий. Почти сразу был достигнут оглушительный успех: в начале сентября армия приблизилась к Парижу. Была оккупирована нейтральная Бельгия, на востоке две русские армии, вторгшиеся в Восточную Пруссию ради спасения Франции, окружены и разбиты. Казалось, победа – дело двух-трех недель. Но затем наступление на Западе захлебнулось. Войска зарылись в землю, началась позиционная война.

«Вместо чаемой опасности – грязь, изнурительный труд и бессонные ночи... А еще хуже – скука, которая выматывает солдату нервы сильнее, чем близость смерти» (*В стальных грозах*).

В апреле 1915 года, в Лотарингии, под ураганным огнем 20-летний Юнгер был ранен, получил отпуск, по совету отца записался курсантом в военную школу, летом вернулся на фронт в чине прапорщика. Накануне знаменитой битвы на Сомме, стоившей обеим сторонам одного миллиона убитых, Юнгер был вновь тяжело ранен, это спасло ему жизнь: его взвод был уничтожен под Гиймоном. Возвратившись, он был ранен еще несколько раз, стал лейтенантом, командовал ударной ротой и прославился на всю дивизию своей фантастической смелостью; получил Железный крест I класса и Рыцарский крест дома Гогенцоллернов; в августе 1918 года последнее, четырнадцатое по счету, тяжелое ранение под Камбре в Северной Франции закончило войну для Юнгера. В госпитале он получил от командира дивизии телеграмму о том, что кайзер пожаловал ему орден *Pour le Mérite* (За заслугу). Редчайшая, чрезвычайно престижная награда, учрежденная Фридрихом Прусским в 1740 году; с тех пор ее получило считанное число храбрцев.

5

Юнгер с детства был книголюбом, на фронте не расставался с книгами. В декабре 1917 года он пишет брату Фридриху Георгу (впоследствии известному поэту и эссеисту), что читает «преимущественно русских: Гоголя, Достоевского, Толстого». Но в его сумке лежит и «Тристрам Шенди», и пособие по энтомологии; сидя в блиндаже, ночуя в деревнях, он читает Ницше, Шопенгауэра, стихи Рембо, огромную поэму Ариосто «Неистовый Роланд». Наконец, всю войну, в окопах и в госпиталях, Юнгер вел дневниковые записи.

Эти записи, обработанные после войны, вышли в свет в 1920 году в «самоиздании», то есть самиздате, за счет автора, вернее, за счет отца, под названием *В стальных грозах*.

Книга-первенец, которую до сих пор называют в числе его лучших достижений; книга, пополнившая – или даже открывшая – длинный ряд более или менее известных произведений европейских писателей-фронтовиков о первой мировой войне. Но от тех из них, которые, в частности, были переведены в Советском Союзе, от книг Дюамеля, Ремарка, Барбюса, забытого ныне Людвиг Ренна, от военных страниц «Путешествия на край ночи» Селина, от романов писателей «потерянного поколения», она отличается и своим тоном, принесшим автору не вполне заслуженную славу певца войны, и авторским «мы», каким оно вырисовывается в «Дневнике командира ударной части» (подзаголовок книги Юнгера).

Вот любопытная оценка этой книги, сделанная самим писателем много лет спустя, во втором томе заметок *Семьдесят – мимо* (1981): «В стальных грозах... Прощание воина с войной-игрой гомеровских героев, с их славой. Он все еще верит, что сможет выстоять перед натиском титанических сил; он видит лишь новые средства ведения войны, но не вселенскую власть, которая ворочает ими. Он сменил цветной мундир на серую робу. Солдат, пока жив, сделался незаметным, невидимым для врага; убитый – стал неизвестным солдатом. Он все еще хочет приноровить традиционный этос к миру огня. Но там царят другие законы. Птица Феникс в стальном оперении: теперь она называется – самолет».

6

Сейчас уже мало кто помнит одно любопытное обстоятельство: на исходе первой мировой войны Германия вновь стояла накануне победы. Никогда военно-стратегическое положение не казалось таким блестящим, как в первые месяцы 1918 года. На востоке армия занимала линию от Эстонии до Ростова-на-Дону, на западе фронт проходил далеко от границ рейха. Брест-Литовский мир дал возможность перебросить на Западный фронт дополнительные силы. Весной немцы прорвали фронт в Арденнах; было решено закончить войну одним ударом. За этим последовало еще два броска. Снова, как в первые месяцы войны, войска докатились до Марны. Но затем наступательный порыв истощился. На помощь французам и англичанам пришли американцы. Германия была измочалена четырехлетней войной и блокадой. Голодало не только население в тылу, но и воюющая армия. Силы иссякли, страна была обречена.

Когда в мае 1919 года союзники продиктовали новому республиканскому правительству условия мирного договора, он вызвал гнев и отчаяние. Договор предусматривал потерю имперской территории, на которой проживала десятая часть населения страны, – потерю трех четвертей запасов железной руды, четверти за-

пасов угля и одной шестой посевных площадей. Германия лишилась всех своих заморских колоний. Все заграничные вложения подлежали конфискации. Все главные реки страны были интернационализированы, был отнят торговый флот и так далее. Плюс миллиардные контрибуции.

Юнгеру повезло, он вернулся с войны живым, с руками и ногами. Тому, кто хотел бы оживить в своей памяти *другой* образ войны, достаточно было взглянуть на гравюры Отто Дикса. Но и реализм автора *Стальных гроз* («Задача этой книги, – говорится в предисловии, – объективно рассказать о том, что переживает солдат и командир на большой войне... и что он о себе думает») нисколько не уступал, например, реализму Эриха Марии Ремарка, чей роман *На Западном фронте без перемен* (1929) пользовался колоссальным успехом. Книга Ремарка вечером 10 мая 1933 года на площади перед оперным театром в Берлине одной из первых полетела в огонь под зычный возглас: «Против морального разложения нации, оплевывания фронтового прошлого и боевого товарищества!». Книг Юнгера на этом костре не было.

Он не «оплевывал» мировую бойню. После первого успеха Юнгер выпустил еще три книги о мировой войне: *Бой как внутреннее переживание* (1922), *Роща 125* (1925), *Огонь и кровь* (1926). Эти книги в самом деле противопоставили его большому числу авторов-фронтовиков, обличавших войну с левых, интернационалистических, анархических или пацифистских позиций. Юнгер несомненно и определенно находился «справа». Тем не менее он не влился в когорту писателей-ландскнехтов, тех, кто в самом деле пытался восславить войну, как, например, автор известного в свое время романа *Заградительный огонь вокруг Германи* Вернер Боймельбург, ставший нацистом.

7

Нам, дожившим до нового *fin de siècle*, уже не так легко представить себе, каким обвалом цивилизации была для европейцев первая в истории мировая война. Семьдесят миллионов человек надели военную форму. На фронтах было убито 10 миллионов и 20 миллионов ранено. Рухнуло четыре империи. Война положила конец эпохе, начавшейся после французской революции, вызвала кризис либерально-демократических институтов, поставила под вопрос достоинство демократии в целом; война воспринималась как гибель цивилизации и вместе с тем как ее чудовищный рекорд.

Невиданная концентрация военной техники, новые виды вооружения, совершенно новый облик войны – «материальные сражения». Художественная и мемуарная литература 20-х годов пыталась переварить этот опыт. Ее главной проблемой была ситуация рядового человека на войне – в траншеях, на полях, в госпитале, в плену.

Война проиграна. Но ее смысл, с точки зрения Юнгера, не в победе, и ничто не может отменить того, чем она была: великой инициацией и самоосуществлением автора как человека и мужчины.

Война в ранних книгах Юнгера не осмысливается как кульминация социального, идейного или политического кризиса, как сведение национальных счетов, столкновение империалистических амбиций или что-либо подобное. Война – это грандиозное стихийное событие, только роль стихийных сил здесь выполняет техника. Дьяволу техники противостоит человек, который защищен только своей шинелью – и мужеством. Бой возвращает человека к первичному, «элементарному» переживанию мира, но и предписывает ему единственно подобающую роль – сохранить достоинство, выдержку, самообладание. Устоять во что бы то ни стало.

Юнгера причисляли к «нигилистам», духовным детям Ницше с его героическим отчаянием и попыткой утвердить человеческое достоинство ни на чем, – ведь Бог умер, – и повалилась вся система буржуазных ценностей. За что схватиться? Поиск ценностей в деморализованном мире – быть может, главная тема всей новой западной литературы. В 20-х годах – и тут мы покидаем собственно военную тему, речь пойдет уже не о фронтовых книгах – Юнгер нашел свой идеал в так называемом «новом» национализме.

8

Этот национализм питался мужской гордостью, офицерским высокомерием, горечью поражения, зрелищем униженной и разоренной, сошедшей с рельс родины, отвращением к шаткой веймарской демократии. Отталкиванием демократии вообще.

«Новый» национализм. Сегодня он не выглядит свежим товаром. Он издает знакомый удушливый запах. Новых идеологий не бывает, как не бывает новых сюжетов или новых способов любви. Идеологии постоянно воспроизводятся, используя разные маски и терминологические наименования. Набор идеологий ограничен.

Дело, однако, обстоит не так просто; не идеология выбирает писателя, но писатель поддается соблазну идеологии – либо сопротивляется ей. Идеологии и философии предшествует психология. Одно дело – философия, другое – этот щеголеватый, детски-неустрашимый, не чуждый мужскому кокетству офицер-картинка, каким он выглядит на многочисленных фотографиях 20-х, 30-х, 40-х годов. Писатель, чья муза – опасность, чей пароль – действие. Жизнь как высокая авантюра. Психологический тип, к которому тяготел Эрнст Юнгер, который он культивировал в себе, был тип, сложившийся к началу 20-х не только в Германии. Назовем его так: воин-эстет.

По другую сторону фронта воевал и был убит через месяц после начала войны другой волонтер воинственного национализма, Шарль Пеги, принадлежавший, правда, к среднему поколению: ему был 41 год. Но Андре Мальро, впоследствии сражавшийся против фашизма и нацизма, – почти ровесник и в каком-то смысле двойник Юнгера: та же героика и тот же авантюризм, то же навязчивое желание быть мужчиной и человеком действия, оставаясь созерцателем и эстетом. Тот же *стиль*.

К этой когорте принадлежит и граф Анри де Монтерлан – блестящий красавец, на год старше Юнгера, как и он, солдат первой мировой войны, романтический националист в полусредневековом, полуфашистском вкусе, спортсмен, искатель приключений, убивший себя на склоне лет. Пожалуй, уместно вспомнить Пьера Дриё ля Рошеля, романиста и публициста, ушедшего школьником на фронт и раненного под Верденом, донжуана в жизни и в политике, который некоторое время колебался между коммунизмом и национал-социализмом, с восторгом взирал в Нюрнберге на «марш отборных отрядов, в черном с головы до ног», стал коллаборационистом и тоже покончил с собой. Сюда же можно причислить «князя» Габриеле д'Аннунцио, автора «Гимнов великодержавной Италии» и командира отряда националистов, захватившего в 1919 году югославскую Риеку; впоследствии – личного друга дуче. Есть нечто общее с этими персонажами у графа Антуана де Сент-Экзюпери, человека противоположных политических и нравственных убеждений. И наконец, еще один собрат международного ордена рыцарей-эстетов, представитель литературы, где этот тип был совсем не популярен: путешественник и волонтер мировой войны, расстрелянный в 1921 году, – Николай Гумилев.

В разное время эти люди выступают под знаменами разного цвета, но, конечно, мы имеем дело не с политиками. В лучшем случае это политические романтики. Холодные и отважные в жизни, мало склонные к юмору, они на самом деле опьянены. Война, как мы помним, породила «потерянное поколение» (*lost generation* – словечко Гертруды Стайн). Но люди, подобные Юнгеру, вернулись с особым хмельным блеском в глазах – пьяные вином войны. Только на самом деле это было не вино, а наркотик. Не зря Юнгер впоследствии экспериментировал с эфиром, гашишем, мескалином, ЛСД. Романтизм таит в себе прелесть наркотика и очарование галлюциногена. Так они становятся наркоманами радикальной идеи: чаще правой, иногда левой. Бюргерская умеренность и ее политический эквивалент – либеральная демократия – представляются им бесцветными, пресными.

После войны Юнгер несколько лет носил форму рейхсвера, затем стал студентом, изучал зоологию в Лейпциге и Неаполе, женился, писал книги и статьи, ре-

дактировал журналы с выразительными названиями: *Штандарт. Еженедельник «Стального шлема»*; *Арминий. Боевой орган немецких националистов*; *Соппротивление*; *Атака* и т. п. Фронтовые связи сблизили его с союзом ветеранов «Стальной шлем» и с так называемой Консервативной революцией, о которой здесь нужно сказать несколько слов.

Термин возник позже и может вызвать недоумение. Какая же это революция, если она консервативная? Течение это не было представлено ни политической партией, ни литературным кружком. Идеологи Консервативной революции нередко тянули в разные стороны, вообще были очень разными людьми. Понятия, которыми они оперировали: государство, народ, нация, культура, – толковались весьма прихотливо, с изрядной долей мифотворчества. Список этих людей открывает Артур Мёллер ван ден Брук, автор историософского трактата *Третья империя*, выпущенного в 1923 году. Под Третьей империей подразумевалась грядущая Германия, новое общенациональное и авторитарное государство, которое придет на смену своим предшественникам – Священной Римской империи и монархии Гогенцоллернов. Мёллер ван ден Брук не дожил до времен, когда брошенное им слово стало названием гитлеровского режима, и неизвестно, как он отнесся бы к этому режиму; в 1925 году он покончил с собой.

Среди других трубадуров Консервативной революции мы находим Освальда Шпенглера, который после *Заката Европы* развивал свой вариант спасения – «пруссский социализм»; но переворот тридцать третьего года не сделал его сторонником нового режима, он отверг его заигрывания и успел вовремя умереть – в 1936 году. Зато Карл Шмитт, крупнейший государствовед и правовед, запятнал себя симпатиями к нацизму. Национал-большевик Эрнст Никиш угодил после переворота в концлагерь. Писатель и публицист Эдгар Юнг был убит.

10

Два цвета времени окрасили Консервативную революцию – черный и красный. Двоякими были источники вдохновения этих революционеров-реакционеров. Немецкий романтизм XIX века и «философия жизни», включая Ницше, – с одной стороны. С другой – горестная действительность послевоенных лет, раненое национальное самолюбие, легенда об «ударе в спину», экономический крах, инфляция, потрясение всех основ.

Война не сделала этих людей противниками насилия, и поражение не отбило у них охоту воевать. Напротив, главное и окончательное сражение было впереди. Но речь шла не о том, чтобы вновь схватиться с наследственным врагом – Францией. Консервативная революция целилась в собственное государство – Веймарскую республику. У всех консервативных революционеров был общий враг – ли-

беральный образ мыслей. Ненависть к коррумпированной демократии объединяла эту пеструю компанию.

Редкий случай в истории – сыновья были не левее, а правее отцов. Никаких попыток вернуться к «доброму старому времени»! С ним раз и навсегда покончено. Старики обанкротились. С ними не о чем разговаривать. Речь идет о новом, грозном и неслыханном будущем страны, которое будет воздвигнуто на фундаменте «национальных ценностей». Национализм был общим знаменателем, мощным и темным стимулом Консервативной революции.

Она нагроутила понятие нации харизматическим содержанием: «нам» принадлежит великая историческая миссия. Если сегодня перечитать некоторые программные тексты, написанные выпендренным, невыносимо цветистым языком, наспигованные такими словесами, как «битва», «опьянение», «кровь», «дух», «почва», «раса», «судьба», такими выражениями, как «кратер войны», «северный демон», «имперский народ», «единство веры и воли», «грядущее тысячелетие германской судьбы», если наугад выхватить из сочинений консервативных революционеров такие цитаты, как фраза Шпенглера: «Народ есть союз мужчин, осознавших себя единым целым; без этого чувства нет народа», или следующий пассаж Эрнста Юнгера: «Новое мирочувствие (...) есть не что иное, как воля увидеть и воссоздать жизнь в аспекте судьбы и крови. Это воля новой аристократии, которую сотворила война, отбор отважнейших, чей дух не сломит никакое оружие в мире; тех, кто чует свое призвание к господству», – если расшифровать эту мрачную риторику, взглянуть на нее сегодняшними глазами, вывод будет однозначным. Как бы ни сложилась судьба каждого из них, эти люди звали к фашизму. Хотели они этого или нет, но они расчищали дорогу Гитлеру.

Они оснастили немецкий национал-социализм броскими формулами, подарили ему звучный язык, а подчас и трескучий пафос. Они стали голосом многочисленных правых группировок, ненавидевших республику и общими усилиями похоронивших ее.

11

Разумеется, все это дела давно минувших дней. И если мы уделили столько места раннему Юнгеру, то отчасти потому, что до сих пор – спустя три четверти века – в Германии ему не могут простить некоторых из его тогдашних выступлений. «Ледяной сластолюбец варварства» – как выразился Томас Манн. Многократно обсуждался вопрос, был ли Юнгер на самом деле профашистским писателем. Тут невозможно не вспомнить о двух книгах Юнгера, написанных накануне нацистского переворота: *Рабочий* (1932) и *Тотальная мобилизация* (вышла в свет в 1934-м). Обе книги возвестили о наступлении эры тоталитаризма. Тем не менее они исключают однозначный ответ.

Трехсотстраничное эссе *Рабочий* (которому Мартин Хайдеггер посвятил специальный семинар во Фрейбургском университете) может напомнить некоторые известные сочинения, вышедшие между 1918 и 1930 годами, книги, в которых выразилось совершенно новое и особое настроение; книги пророческие и апокалиптические. *Закат Европы* Шпенглера, *Дух утопии* Эрнста Блоха, *Дух как противник души* Людвиг Клагеса, *Звезда искупления* Франца Розенцвейга. Можно было бы назвать еще несколько трактатов в этом роде. Можно говорить об особом – философско-музыкальном, полунаучном, полупрапсодическом – жанре. В этих объемистых томах, восхитивших публику блеском стиля и смелостью обобщений, каким-то призрачным сиянием, есть то, что хочется назвать насильственной тотальностью. Они притязают на самый широкий охват истории и поработают читателя своим авторитарным тоном и языком, навязывают ему под видом философского дискурса некую соблазнительную и опасную мифологию. В них есть Rausch – то самое «опьянение», которое сделалось паролем эпохи. В исторической перспективе они представляют собой поздние цветы немецкой классической философии, пахучие продукты ее разложения.

12

Тотальная мобилизация Юнгера не соответствует привычному значению этого выражения, а его Рабочий мало похож на реального рабочего человека, которому чаще всего не до высоких материй и выпрєнных слов. «Не о том речь, что к власти приходит новый политический или социальный класс, а речь идет о том, что сферой власти сознательно и разумно овладевает новый тип человека, не уступающий прежним великим персонификациям истории. Вот почему мы отказываемся видеть в Рабочем всего лишь представителя нового сословия, нового общества, новой экономической системы; либо он ничто, либо нечто куда более значительное, а именно – воплощение суверенного, наделенного особой свободой образа, который следует самоличному призванию и повинуетя собственному закону (...)» (*Рабочий*).

Времена анархической свободы, либеральных иллюзий, сентиментального уюта прошли. Мир вступил в военно-индустриальную эпоху, наступили железные будни. Новое общественное устройство основано на трудовом братстве, дисциплине, техническом прогрессе. Будущее принадлежит Рабочему и Солдату, двуединому субъекту тотального созидательного процесса и одновременно его воплощению; их общая задача – «преображение пространства».

Две черты этого философствования бросаются в глаза. Первая – неожиданное совпадение с героикой социалистического строительства и тотальным планированием в СССР. Государство Рабочего оказывается идеализированным проектом пролетарско-социалистического государства, уже построенного (или якобы по-

строеного) в Советской России. Вторая черта существенней. Правофланговый тотальной мобилизации, труженик войны и солдат труда, подозрительно напоминающий живого робота, не является, однако, инструментом какого-то надчеловеческого прогресса. Он не слуга машины, хотя и живет среди молний, в свисте и грохоте механизмов. Смысл его деятельности не в том, чтобы приумножать материальные блага, построить рай на земле, возвести гигантскую гидроэлектростанцию или что-нибудь такое. Рабочий – не объект истории. Но он и не ее субъект. В утопическом рабочем государстве истории нет. Рабочий и воин – это *тип поведения*. Нравственность и политика вынесены за скобки. Мы возвращаемся к тому, что представляется истинной политикой и моралью Эрнста Юнгера, по крайней мере первой половины его творческого пути: к стилю.

13

Когда вспоминаешь все, что произошло, хочется отшвырнуть ногой гнусные книги и куском угля крест-накрест перечеркнуть физиономии авторов, которые поскрипывали лакированными сапогами, попивали прохладное бургундское и совершенствовали периоды своей прозы в то время, когда другие подышали в лагерях. В то время, когда Бенямин принял яд, чтобы не попасть в когти гестапо при попытке перейти границу в Пиренеях. Когда Дитрих Бонгёффер был расстрелян в концлагере Флоссенбург. Когда густой черный дым валил из трубы Освенцима. Когда, как сказано в одном стихотворении Брехта, разговор о деревьях кажется преступлением, потому что он заключает в себе молчание о погибших. *Сады и улицы* (1942, одна из дневниковых книг Юнгера) – разве это не разговор о деревьях?

Однажды он записал: «Цензура воспитывает утонченность стиля, как дуэль – утонченность нравов». Но бывают эпохи, когда эстетизм оборачивается варварством, а от изящного слога мутит и выворачивает наизнанку. Тому, кто вернулся из крысиного ада, знакомо чувство отвращения, которое вызывают ряды элегантно переплетенных томиков в книжном шкафу: кажется, что эти поэты-эстеты, эти квартиранты башен слоновой кости предали тебя.

Будем, однако, справедливы. Ретроспективный взгляд находит в сочинениях Юнгера 30-х годов не панегирик эпохе, а скорее ее диагноз.

Он продолжал печататься и после переворота; путешествовал, выпускал путевые записки. Юнгер не написал ни одной строчки в угоду новой власти, не опубликовал ни одного текста, в котором можно было бы распознать присутствие официальной идеологии. Делались попытки привлечь его на сторону режима; ничего не вышло. «На всякий случай» (кто не с нами, тот против нас!) он был подвергнут домашнему обыску. Этим, однако, неприятности ограничились. Имеется датированный сентябрем 1936 года архивный документ, из которого следует,

что гестапо наблюдало за Юнгером. Тем не менее его оставили в покое – слишком высок был престиж автора *Стальных гроз* и кавалера ордена Pour le Mérite. Вероятно, сыграло роль и то, что у Юнгера были влиятельные друзья «наверху».

С присущей ему холодной надменностью он отклонил предложение вступить в перекрашенную на новый лад Прусскую академию литературы. Поселил в своем доме жену и сына арестованного друга Эрнста Никиша. У Юнгера не было иллюзий относительно того, в каком государстве он теперь живет. «Я сидел в большом кафе, играл оркестр, вокруг скучали хорошо одетые посетители. Мне понадобилось вымыть руки, я вышел через дверь, занавешенную красным бархатом, в заднее помещение, но заблудился в коридорах и на лестницах и в конце концов оказался в другом крыле здания, в элегантно убранных, но запущенных покоях... Очевидно, там шли работы, в углу медленно поворачивалось колесо с трансмиссией, раздувались и опадали кузнечные мехи. Высунувшись из пыльного окна, я увидел заросший и одичавший сад. Там было что-то вроде кузницы: при каждом движении мехов сноп искр вылетал из горящих углей, на которых лежали раскаленные докрасна, диковинного вида инструменты; каждый поворот колеса приводил в движение какие-то странные механизмы. На моих глазах сюда приволокли двух посетителей кафе, мужчину и женщину, и стали срывать с них одежду. Они отбивались, и я подумал: "Пожалуй, они еще могут откупиться, пока у них есть дорогие вещи". Но то, что ткань кое-где была разодрана и виднелось голое тело, показалось мне дурным знаком. Мне удалось незаметно ретироваться, я вернулся в кафе. Сел за свой столик, но оркестранты, кельнеры, красивое убранство предстали передо мной уже в другом свете. Я понял, что гости испытывали не скуку, а страх» (*Авантюрное сердце*, 1929; 2-я редакция, 1938).

14

В 1939 году вышел в свет роман Юнгера *На мраморных скалах*. «Одно побочное обстоятельство, а именно риск предприятия, стало предметом толков – меня самого оно занимало в небольшой степени, ибо уводило от существа дела, выдвигая чисто политическую сторону на передний план. То, что текст мог звучать как вызов, я и мой брат понимали не меньше, чем внутренний рецензент, да и сам руководитель издательства, которому публикация книги тотчас доставила неприятности. Уже через неделю рейхслейтер Булер доложил о ней Гитлеру, однако последствий не было... Тем временем я находился уже на Западном фронте и, сидя в бункере, читал рецензии в газетах, немецких и иностранных, где политический аспект тоже более или менее подчеркивался... То, что "сапожок годится на разную ногу", стало понятно довольно быстро».

В самом деле, *На мраморных скалах* (мы процитировали предисловие автора к позднему переизданию) – единственное, почти незамаскированное антина-

цистское произведение, которое появилось легально в гитлеровской Германии; если угодно, блестящий документ внутренней эмиграции. При желании в нем можно было даже найти вполне актуальные параллели. Но эту тоненькую книжку можно прочесть и по-другому: как притчу о гибели цивилизации под натиском варварства.

Восхитительный горный и лесной край, где живет и наслаждается жизнью талантливый трудолюбивый народ, оказался во власти свирепого Лесничего. До сих пор он скрывался в своих владениях. Мало-помалу его присутствие начинает ощущаться как разлитый повсюду яд. Страх перед Лесничим и его ордами развязывает низменные инстинкты. Порча нравов ширится, как эпидемия. Народ созрел для рабства. Тщетно аристократия пытается спасти страну. Сволочь выходит из лесов, начинается гражданская война, и все рушится.

Невозможно понять, когда и где происходит действие; в книге нет истории, нет и живых характеров – это не реалистический и не психологический роман, а скорее роман-аллегория. Немногочисленные персонажи воплощают не столько социальные или психологические типы, сколько типы поведения. Книга написана изысканной ритмизованной прозой – порой не без риска впасть в красоту – и заставляет задуматься над вопросом, который кажется нам существенным для понимания феномена Эрнста Юнгера в целом.

15

Это все тот же вопрос о стиле.

Из дневниковых записей автора можно узнать о том, что сначала роман назывался иначе; новый заголовок – «На мраморных скалах» – отсылает к месту действия: уединенный домик, где живет рассказчик, стоит на береговом склоне под защитой сверкающих белых скал, за которыми, далеко на севере, начинаются леса. Вместе с тем это название прочитывается как символ, а может быть, и как некая формула творчества. «В нем выражено единство красоты, величия и опасности...».

Еще одно высказывание – из предисловия к *Излучениям*, собранию дневников Юнгера (1941–1945): «Безупречно построенная фраза обещает нечто большее, чем удовольствие, которое она доставит читателю. В ней заключено – даже если язык сам по себе устаревает – идеальное чередование света и тени, тончайшее равновесие, которое выходит далеко за ее словесные пределы. Безукоризненная фраза заряжена той же силой, которая позволяет зодчему воздвигать дворцы, судье различать тончайшую грань справедливости и неправды, больному в момент кризиса найти врата жизни. Оттого писательство остается высоким дерзанием, оттого оно требует большей обдуманности, сильнее искусства, чем те, с кото-

рыми ведут в бой полки...». Какая велеречивость! И какая вера в могущество слова!

Критика отмечала парадокс *Мраморных скал*: отвратительные сцены войны, жестокости и разрушения описаны торжественным и чарующим слогом, который начинает подчас раздражать своей почти нарочитой гармонией, избыточной музыкальностью, каким-то неуместным великолепием. Можно предположить, что сам писатель отдавал себе в этом отчет. Не забудем, что это человек, которому несчетное число раз приходилось глядеть в глаза смерти; человек, выдавший видды. Почему же он не избрал путь, соблазнивший столь многих, путь «разгребателей грязи», отважных реалистов, тех, кто не гнушается называть вещи своими именами, кто предпочитает описывать гнусную действительность в адекватных ей формах, ее собственным помойным языком?

Потому что достоинство художника состоит в том, чтобы не поддаваться этой действительности, миссия художника – укротить ее. Потому что совершенная фраза побеждает тиранию. Проза требует абсолютного слуха. Стиль (а не идеология) переживает века. Стиль – это спасательный круг, за который можно схватиться. Это способ выстоять. Стиль, может быть, и есть последняя, высшая ценность. Некогда было сказано: стиль – это человек. Об Эрнсте Юнгере можно сказать обратное: человек – это стиль.

16

На рассвете 1 сентября 1939 года крейсер «Шлезвиг-Гольштейн» открыл огонь по польской крепости Вестерплатте в устье Вислы; рейх начал войну. Май следующего года – начало активных операций на Западе. Сохранилась фотография: 45-летний капитан Эрнст Юнгер (успевший получить еще одну награду за храбрость при спасении раненого) верхом на коне, во главе своей роты, въезжает во Францию. Некоторое время спустя Юнгер обосновался в парижском отеле «Рафаэль» неподалеку от Булонского леса: он прикомандирован к штабу командующего оккупационными войсками, его обязанности – почтовая цензура, подготовка документов плана «Морской лев» (неосуществленный план вторжения на Британские острова), канцелярская война, которую командование ведет с партийными инстанциями.

Несколько офицеров высокого ранга составляют кружок интеллектуалов, где на равных правах принят капитан с бриллиантовым крестом на шее; здесь свободно обсуждают военную и политическую ситуацию; для этих людей Юнгер пишет программное сочинение, в конце войны нелегально распространявшееся в Германии под названием «Мир. Слово к молодежи Европы и молодежи мира». Служба не слишком обременяет Юнгера. У него есть друзья в Париже, он в приятельских отношениях с известными французскими писателями и художниками.

Среди его знакомых не только коллаборационисты, но и участники Сопrotивления. Вслух об этом не говорится. «Тревога, налеты. С высокой крыши "Рафаэля" я видел, как дважды поднялось над Сен-Жермен-де-Пре мощное облако взрыва и на большой высоте уходили английские эскадрильи. Задача – разбить мосты через Сену. Способ и порядок операций, парализующих подвоз продовольствия в город, указывают на пронциательный ум. При второй атаке, в лучах заката, я поднял бокал бургундского, в котором плавали ягоды клубники. Город со сверкающими на солнце башнями и куполами лежал передо мной во всем своем великолeпии, словно цветок, раскрывшийся навстречу смертельному оплодотворению» (*Второй парижский дневник*, 1943).

17

Приведенный пассаж – один из часто цитируемых текстов Юнгера; эстет с бокалом вина перед жутким зрелищем бомбежки – словно бряцающий на лире Нерон при виде горящего Рима – воистину благодарная тема для критики. Два слова о жанре произведения, откуда извлечена эта цитата. «К числу моих добрых дел принадлежит, может быть, то, что я кого-то вдохновил вести дневник. Как бы то ни было, дневник всегда представляет ценность – личную и архивную. Вдобавок он удовлетворяет внутреннюю потребность обозначить путь. Здесь присутствует и нечто сакральное; человек – наедине с собой. Хорошо, когда писать дневник начинают рано, еще лучше – когда его доводят до конца, до самой смерти» (*Второй парижский дневник*). «Достигнут библейский возраст. Довольно странно для того, кто в юности не чаял дожить до тридцати» (*Семьдесят – мимо*).

Siebzig verweht – так называются четыре выпущенных к настоящему времени тома дневниковых записей, они начаты в 70-летнем возрасте. Но уже первая книга, *В стальных бурях*, как мы помним, была обработкой фронтального дневника. Вот еще несколько книг аналогичного жанра: *Авантюрное сердце*, *Сады и улицы*, *Приближения*. *Наркотические сны*, *Первый парижский дневник*, *Заметки с Кавказа*, *Второй парижский дневник*. Некоторые из них, как уже сказано, ранее были объединены под заголовком «Излучения».

Литературный дневник, в сущности, представляет собой протест против литературы, против самой сути художественного творчества – его условной, игровой природы. Как хозяйка, которая устала нравиться, уходит к себе, чтобы отдохнуть от гостей, так писатель, автор дневника, хочет остаться наедине с собой, быть самим собой и больше никем.

Таковы дневники Томаса Манна, четыре пакета с надписью рукой автора по-английски: «without any literary value» («литературной ценности не имеют»). Таков знаменитый дневник Андре Жида – но уже в меньшей степени: написанный вроде бы только для себя, он является замечательным памятником литературы;

ибо писатель подобен фригийскому царю Мидасу, у которого все, к чему он прикасался, превращалось в золото.

Дневниковые (в том числе путевые) записи Юнгера – это литературные тексты в полном смысле слова: они накапливаются, отшлифовываются и выпускаются в виде книг. И более того. Дневник Юнгера, который теперь составляют несколько тысяч страниц, – возможно, лучшее из всего, что он написал.

18

Для читателя в России могли бы представить особый интерес записи, которые Юнгер вел зимой 1942 года во время инспекционной поездки на Восточный фронт (в общем корпусе дневников они занимают небольшое место). Как все дневники этих лет, они были опубликованы после войны.

«(...) В Ворошиловске я переночевал в здании НКВД, огромном, как все, что принадлежит ведомству полиции и тюрем. Мне отвели комнатку со столом, кроватью и, самое главное, с невыбитыми оконными стеклами... Перед рассветом прибыл в Белореченскую, разглядывал, стоя на перроне, сверкающие созвездия. Поразительно, как тотчас и на новый лад они пленяют душу, когда приближаешься к царству страданий... После обеда я присутствовал при допросе 19-летнего русского лейтенанта. Девическое лицо с нежным, еще не бритым пухом. На мальчишке зимняя шапка-ушанка, опирается на палку. Сын колхозника, учился в техникуме, перед тем как попасть в плен командовал ротой гранатометчиков. Вид и движения крестьянина, ставшего слесарем; руки еще не забыли, как обращаться с деревом, но уже привыкли к железу. Разговор с офицером, который вел допрос: балтийский немец; Россия, по его словам, похожа на крынку молока, с которого сняли сметану. Новый слой еще не образовался или не имеет прежнего вкуса... Спрашивается, проникла ли безликая технизация в глубины индивидуума, поразила ли она плодоносный слой народа? Я бы ответил: нет, судя по впечатлению, которое производят лица и голоса людей в этой стране». «У женщин, особенно у девушек, голоса не то чтобы мелодичные, но приятные. В них скрыта сила и веселость; кажется, что слышишь глубокую звенящую струну жизни. Похоже, что государственные преобразования прошли мимо этих натур... Впрочем, штабной врач рассказывал мне, что при медицинских осмотрах большинство этих девушек оказались нетронутыми; это можно заметить и по лицам, их как будто окружает серебряное сияние. Это не свет активной добродетели, но скорей отраженный, как свет луны. Пытаешься угадать, где же то солнце, что вызывает эту веселость».

«Рождество. Утром возвращение в Куринскую... На деревянном мосту провалилась лошадь и зависла в упряжи над пенным потоком. Какому-то унтер-офицеру удалось снизу перерезать постромки. Лошадь рухнула в воду и кое-как добра-

лась до берега. Выше по течению я обнаружил два трупа, один был раздет до кальсон. Он лежал на дне ручья, и его посиневшая грудная клетка выпирала между камней. Правая ладонь подсунута под затылок, словно человек спит. Затылок в крови. С другого, видимо, пытались стащить гимнастерку. Огнестрельная рана в области сердца. Мимо тянутся вереницы горных стрелков с тяжелыми рюкзаками, горцы-носильщики с амуницией, провиантом, мотками проволоки, облепленные глиной, с небритыми лицами, лошади – точно огромные крысы, вываленные в грязи. Раненых на плотах переправляют через поток и грузят в санитарные машины с тщательно замазанными красными крестами. И над всем этим гремит репродуктор пропагандной роты: "Тихая ночь, святая ночь". Время от времени его заглушают грохот орудий и могучее эхо в горах».

«Вечером в штаб-квартире праздник Нового года. К сожалению, мое настроение отравлено разговорами, которые стали уже чем-то обычным. Генерал Мюллер рассказывал о чудовищно-постыдных делах службы безопасности после взятия Киева. Туннели с ядовитым газом, куда въезжают целые составы с евреями. Пока что это только слухи, но что убийства действительно совершаются в огромном масштабе – несомненно. И меня начинает тошнить от мундиров, погон, орденов, от вина, от оружия, от блеска всей этой жизни, которую я так любил... Старая рыцарственность, дававшая власть и силу дворянству еще в войнах Наполеона, даже еще в минувшую войну, – испустила дух. Нынче войну ведут технари. Что ж, человек достиг-таки состояния, о котором его давно предупреждали, которое описал Достоевский... Теперь он глядит на ближнего, как на вошь, как на нечисть...» (*Заметки с Кавказа*).

«Дочитал "Уединенное". Замечательно у Розанова родство с Ветхим Заветом: например, он вкладывает в слово "семья" в точности ветхозаветный смысл... Сперматический, семенной характер Ветхого Завета вообще, в противовес пневматичности, духовности Евангелий. Розанов скончался после 1918 года в монастыре; говорят, он умер голодной смертью. О революции он заметил, что она потерпит крах, так как более не дает никакой пищи мечтам. Рухнет все ее здание. Есть нечто привлекательное в том, что свои беглые заметки, род духовной плазмы или что-то похожее на становление тканевых структур, он набрасывает на досуге, перебирая коллекцию монет или *валяясь на пляже*» (*Второй парижский дневник*).

19

Единственный сын Юнгера, семнадцатилетний Эрнстль, был арестован государственной тайной полицией за антинемецкие разговоры. Об этом тоже можно прочесть в дневниках. Одноклассники якобы слышали, как Эрнстль сказал: если нам удастся заключить перемирие, то придется повесить Книэболо. Отцу удалось добиться отмены смертного приговора. Мальчик был отправлен в штрафную роту и погиб в Италии. «Книэболо. Многие, не исключая его врагов, находят в нем не-

кое демоническое величие. Если это так, то это величие стихийно-примитивное, земляное, бесформенное и лишенное высоты и достоинства личности... Карло Шмид говорил, что немцам не хватает физиогномического чутья. Человек с внешностью, которую не в состоянии сделать привлекательной ни один художник и фотограф, человек, коверкающий родной язык, сумевший собрать вокруг себя толпу бездарностей... и все же во всем этом скрыта какая-то затягивающая загадка» (*Второй парижский дневник*),

«Книэболо», контаминация немецкого слова knien – стоять на коленях, и итальянского diavolo – дьявол, – так назван в парижских дневниках Гитлер.

В середине лета 1944 года бои с наступавшей Красной Армией шли у границ с Восточной Пруссией. На западе высадившиеся полтора месяца тому назад союзники находились на подступах к Нанту и Руану, на юге генерал Александер приблизился к Флоренции.

Запись от 21 июля: «Вчера вечером стало известно о покушении. И без того критическое положение обостряется до крайности. Покушение якобы совершил граф Штауфенберг... Мое мнение, что в поворотные моменты инициативу берет в руки древнейшая аристократия, подтверждается. Судя по всему, этот акт повлечет за собой неслыханную расправу. И еще трудней будет носить маску. Впрочем, я давно пришел к убеждению, что террористические акты мало что могут изменить, а главное, не принесут ничего хорошего...».

Бомба, оставленная в служебном портфеле полковником Шенком фон Штауфенбергом, взорвалась во время совещания в «волчьей норе» – главной ставке фюрера в Восточной Пруссии. Несколько человек было ранено. Среди хлопьев стекловаты, которой были проложены стены барака, обломков мебели и осколков стекла сидел в разодранных брюках Гитлер, на левом локте у него оказался кровоподтек, барабанные перепонки лопнули. Придя в себя, он забормотал: «Так я и знал. Кругом изменники...».

Среди участников заговора были знакомые и друзья Юнгера; его непосредственный начальник, командующий силами вермахта во Франции генерал Штюльпнагель, успел в Париже окружить здания полиции, гестапо, СД и СС; когда стало ясно, что переворот не состоялся, он выстрелил себе в голову, потерял зрение, был подвергнут лечению и слепым повешен. Юнгер не был непосредственным участником заговора. Он был «лишен права носить оружие», проще говоря – уволен из армии.

Юнгер демонстративно отказался заполнить анкету комиссии по денацификации и до 1949 года не имел права печатать свои произведения в Германии, не разрешалось даже цитировать их в печати. В 1950 году он поселился в Вильфлингене.

С этого времени и до самых последних лет он опубликовал немало новых книг: фантастические романы, близкие к жанру антиутопии, эссеистика, дневники. *Subtile Jagden* (труднопереводимое название, что-то вроде «Деликатной охоты»; 1967) – том полувоспоминаний-полуразмышлений об охоте за бабочками и жуками, о грибах, травах, блужданиях по немецким лесам и энтомологических экспедициях в экзотические уголки земли. Повесть *Прибытие на Годенхольм* (1952) написана под впечатлением от знакомства с Альбертом Гофманом, швейцарским химиком, который синтезировал ЛСД, и опытов с «раздвигающими границы сознания» галлюциногенами. Как встарь, Юнгера отличает тяга к опьянению и холодный экстаз, посреди которого, как воин на поле боя, пребывает непоколебимый интеллект. Юнгер – типично «мозговой» писатель, но живущий в эпоху пострационалистическую, когда разум утверждает себя, так сказать, в неустанном саморазвенчании. Многократно отмеченная, постоянная черта Юнгера – холодноватая отчужденность наблюдателя. С годами его слог усыхал, освобождаясь от красоты, не теряя элегантности, и, можно сказать, что этот живой – все еще живой! [эссе было написано в 1996 году – прим. ред.] – классик стал прозаиком скорее французского, чем немецкого типа. Недаром его больше, чем на родине, чтут по другую сторону Рейна. Короткие фразы, простой синтаксис (если при чтении фразы вслух у вас перехватывает дыхание, значит фраза плохая, учил Флобер), латинская дикция, энергия, ясность. Примером может служить виртуозно написанный маленький криминальный роман *Рискованная встреча*, о котором кто-то сказал, что его сочинил Мопассан, прочитавший Сиеннона.

Все же стихия, где этот ум чувствует себя в наибольшей степени à l'aise, – медитативно-философская проза. Было бы непосильной задачей суммировать мировоззрение Юнгера в немногих словах: проще – что и делалось не раз – наклеить на него несколько удобочитаемых этикеток. Биологизм, неоплатонизм. Мир живой природы многократно, как в зеркалах, отражен в истории: в них просматривается некоторая общая конструкция. Это мир бесконечных самоуподоблений, вечных образцов и их воспроизведений. В аналогиях угадывается единый космический ритм, единый замысел, лишенный, однако, первоисточника, который его замыслил. Присутствие Гераклита, Шеллинга и особенно Новалиса дает себя знать в отточенных, подчас нарочито энигматичных и всегда доставляющих эстетическое наслаждение фрагментах Юнгера.

Мы сказали – классик. Но Эрнст Юнгер отнюдь не памятник самому себе, не бесспорный и хрестоматийный, облитый глазурью классик, как, например, Томас Манн. Каждый новый юбилей Юнгера – повод для очередного сведения счетов. Для одних он слишком аристократ, старый соблазнитель и не пожелавший исправиться антидемократ, для других – что-то вроде Пифии. Внеидеологическая рецепция Юнгера начинается лишь в последние десятилетия.

Да это и понятно: Юнгер, как мы старались показать, – фигура в высшей степени сложная. Он принадлежит не одной, а многим эпохам, и его век был одно-

временно и веком Гитлера, и веком Сталина, веком Эйнштейна и Томаса Манна. А потому нельзя оценивать Юнгера только под одним углом зрения.

Могут спросить, чем интересен этот автор для русского читателя. В самом общем смысле – тем же, чем интересна и поучительна судьба Германии в XX веке, страны, у которой так много общего с Россией. От национализма, от настороженного противостояния миру – к европеизму – этот путь, пройденный Юнгером, предстоит проделать и многим представителям культурной элиты нашей страны. Вместе с тем Юнгер – живая ветвь мощной традиции, от которой не вправе отгораживаться русская мысль.

В этой статье было уделено некоторое внимание стилю Эрнста Юнгера. С годами – лучше сказать, с десятилетиями – дух и направление его книг, как мы видели, изменились. Стиль в основных чертах остался прежним. Этот стиль – идет ли речь о повествовательной прозе, дневниках или путевых записках – отличается изумительной концентрацией, доступной разве только поэтам, в значительной мере утраченной с крушением античной культуры и письменности, со смертью древних языков. Юнгер приучает своего читателя додумывать сказанное автором и опускает все лишнее, само собой разумеющееся и тривиальное; мысль Юнгера напряжена и эллиптическая, его «мыслеобразы» кажутся загадочными, как могут быть загадочными древние афоризмы или стихи, которые покоряют чем-то мерцающим и неоднозначным, чем-то параллельным логике.

Стиль Юнгера ставит вопрос о гуманизме. Это не привычный для русского культурного сознания популистский гуманизм, взывающий к старым заветам служения народу, отечеству и т. п. Юнгер – индивидуалист и одновременно гражданин мира – титул, который с гордостью носил Гете. Но мир, в котором живет наш современник Юнгер, уже не тот мир, в котором он сам вырос, воевал, стал писателем, не говоря уже о мире Гете. Это мир апокалиптический. И тут перед нами раскрывается некий секрет Юнгера. Быть может, доминанта его творчества. Высшая задача литературы в дегуманизованном мире – отстаивать честь одинокой человеческой личности, стоять насмерть, как подобает мужчине. Историк Голо Манн сказал однажды о Юнгеру, что он отдает приказы читателю, как офицер – солдатам. Это не так. Но Юнгер в самом деле не болтает, не фамильярничает с публикой и не стремится быть голосом народа – это слово вообще отсутствует в его лексиконе. В безупречной законченности его пассажей есть нечто вызывающее, – ведь в современной литературе, и немецкой, и, конечно, русской, определено преобладает не литературная стилистика. И все же: высоко дисциплинированный слог Юнгера воспринимается как эквивалент человеческого достоинства в мире, где это достоинство попрано как никогда прежде.

Наконец, Юнгер – это просто писатель, читать которого – удовольствие.

Сам о себе он сказал так: «Мой внутренний политический мир подобен часовому механизму, где колеса движутся навстречу и как бы вопреки друг другу; я и южанин, и северянин, и немец, и европеец, и космополит. Но на моем циферблате стоит полдень, когда стрелки сходятся».